

Норвежская сказка " Принцесса на стеклянной горе "

Жил-был один человек, и был у него луг где-то на косогоре, а на лугу стоял сарай, и там хранилось сено. Только в последние годы не много там припасов было, потому что каждый год, на Иванову ночь, когда трава всего сочнее и гуще, повадился кто-то обедать весь луг, да так, словно по нему прошло целое стадо. Раз так было, и два так было, а на третий раз хозяйину то надоело, и сказал он своим сыновьям, что надо им посторожить у сарая, чтобы не съели у них траву, как в прошлые годы; а было у него три сына, только третий-то был, понимаешь ли, Аскеладден.

– Кто из вас пойдет, пусть глядит в оба,– так сказал отец.

Сначала пошел старший сын сторожить луг.

"Ну, теперь ни человек, ни зверь, ни сам дьявол мою траву не тронет", – думал он.

Вот наступил вечер, забрался старший сын на сеновал и лег спать. Только вдруг среди ночи поднялся страшный шум и земля загудела, задрожала так, что у сарая чуть крыша не обвалилась. Вскочил старший сын – и бежать что есть мочи, даже ни разу не оглянулся. А всю траву опять кто-то объел, как и в прошлые годы.

Вот на другой год, в Иванову ночь, отец опять говорит, что не дело им отдавать всю траву неведомо кому.

– Пусть один из вас опять пойдет сторожить, да пусть следит хорошенько, – сказал он.

Решил средний сын попытать счастья. Забрался он на сеновал и лег спать, в точности как его брат. И опять посреди ночи поднялся страшный шум и земля задрожала еще сильнее прошлогоднего. Услышал это средний сын, испугался и пустился наутек, да так, словно ему за это деньги платили.

На третий год пришла очередь Аскеладдена. Собрался он на луг, а старшие братья и давай над ним смеяться.

– Ну, ты-то уж наверно убережешь наше сено! Недаром ты только и умеешь, что у печки сидеть да в золе копать! – говорили они.

Но Аскеладден не стал их слушать, а, как только наступил вечер, пошел на луг, забрался на сеновал и лег; и вот скоро опять поднялся шум и задрожала земля. "Ничего, только бы хуже не было", – подумал Аскеладден. Тут земля еще сильнее задрожала, и соломинки так и запрыгали вокруг Аскеладдена. "Ничего, только бы еще хуже не было", – подумал Аскеладден. Задрожала снова земля, да так, что Аскеладден испугался, как бы крыша на него не свалилась. Но было это недолго, а потом сразу стало все вокруг тихо-тихо. "Интересно, будет опять шум или нет?" – подумал Аскеладден. Но шуму больше не было, все было тихо. Полежал немного Аскеладден и слышит, как будто лошадь стоит у амбара и жует. Выглянул он осторожноенько за дверь – и видит: стоит конь и жует траву, да такой большой, гладкий и красивый конь, какого Аскеладден в жизни своей не видел. Тут же было седло и уздечка и еще рыцарская кольчуга, и были они медные, да так и сверкали. "Ага, так это ты съедаешь наше сено! – подумал Аскеладден. – Ну, больше я тебе этого не позволю!"

Взял он поскорее огниво, перебросил через коня, и конь замер как вкопанный. И стал он такой послушный, что Аскеладден мог делать с ним все, что душе угодно. Сел он на коня и поскакал в такое место, о каком никто ничего не знал, да там коня и оставил.

Вернулся он домой, а братья стали над ним смеяться и спрашивать, как он провел ночь.

–Сознайся, ведь недолго ты пролежал в сарае, хоть домой и не спешил возвращаться! – говорили они.

– Я спал на сеновале, пока меня солнце не разбудило, и ничего не видал и не слышал. А чего вы там испугались, понять не могу! – отвечал он братьям.

– Что же, посмотрим, хорошо ли ты луг сторожил! – сказали они.

Пошли туда и видят: стоит трава такая же густая и высокая, как с вечера была.

На следующую Иванову ночь все было точно так же: старшие братья побоялись идти стеречь луг, а Аскеладден пошел. И случилось в точности то же, что и в прошлом году. Сначала раздался шум и задрожала земля, потом – опять, потом – в .третий раз. И все три раза намного-намного сильнее, чем в прошлом году. А потом опять стало тихо-тихо. И услышал Аскеладден, как кто-то жует возле двери. Выглянул он поосторожней за дверь и видит: стоит конь и жует, и конь этот еще больше и глаже прежнего. И было на спине у него седло, и была на шее уздечка, а рядом лежала рыцарская кольчуга из чистого серебра, и так она сверкала, что глазам было больно. "Ага, так это ты решил сегодня съесть наше сено, – подумал Аскеладден. – Да только я этого тебе не позволю!" Взял он огниво и набросил прямо на конскую гриву, и стал конь смирихонек, как ягненок.

Ну, отвел его парень в то же место, где первый конь стоял, а сам воротился домой.

– Ну, как сегодня? Хорошо, наверно, наша травка? – спросили братья.

– А как же, – отвечал им Аскеладден. Пошли они на луг и видят: трава как была высокая и густая, так и осталась. Только не стали они от этого к Аскеладдену добрее.

Вот в третий раз наступила Иванова ночь, и опять старшие братья боятся идти сторожить луг. Уж так они тогда испугались, когда в амбаре лежали, что на всю жизнь запомнили. А Аскеладден взял и пошел. И случилось все точно так же, как в прошлый и позпрошлый разы. Трижды дрожала земля все сильнее и сильнее, и напоследок парня так и бросало от стены к стене; а потом вдруг стало тихо-тихо. Полежал немного Аскеладден и слышит, как кто-то жует у двери. Выглянул он за дверь и видит: у самого амбара стоит конь, гораздо больше и глаже, чем те, которых он уже поймал; а на коне седло и уздечка и рыцарские доспехи из чистого червонного золота.

"Ага, так это ты сегодня собрался съесть наше сено, – подумал Аскеладден, – да только я тебе не позволю!" Взял он огниво и перебросил через коня; конь так и замер, будто его к земле пригвоздили, и теперь Аскеладден мог делать с ним все, что душе угодно. Отвел он коня туда, где первые два стояли, а сам воротился домой. Братья опять стали над ним смеяться.

– Верно, хорошо ты стерег траву, – говорили они, потому что Аскеладден так и спал на ходу.

Но Аскеладден не стал их слушать, а сказал им, чтобы они пошли сами да посмотрели. Пошли они и видят: трава и на этот раз осталась высокая и густая.

У короля той страны, где жил отец Аскеладдена, была дочь, и только тому он соглашался отдать ее в жены, кто взберется на стеклянную гору; эта стеклянная гора была высокая-высокая и гладкая, как лед, и стояла она возле самого королевского дворца. На самой верхушке этой горы сядет королевская дочь и будет держать три золотых яблока. И тот, кто взберется на самый верх и возьмет яблоки, и получит принцессу и полкоролевства в придачу. Так король велел объявить повеем церквам своей страны и во всех соседних королевствах.

А была принцесса такая красасавица, что кто ее ни увидит – хочет не хочет, сразу в нее влюблялся. И понятно, всем принцам и рыцарям со всего света хотелось получить ее и полкоролевства в придачу. Прискакали они на своих конях; кони так и танцевали, а доспехи у рыцарей так и блестели, и каждый думал, что королевская дочь достанется непременно ему. И вот когда пришел назначенный день, возле стеклянной горы кишмя кишели рыцари и принцы, а все, кто только мог ходить или ползать, пришли поглядеть, кому же достанется принцесса; пошли туда и братья Аскеладдена, а его с собой взять ни за что не захотели.

– Как увидят нас с таким оборванцем, да еще черным и грязным от золы, все будут над нами смеяться, – говорили они ему.

– Ну что ж, тогда я один пойду, – сказал Аскеладден.

Вот пришли братья Аскеладдена к стеклянной горе, а рыцари и принцы уже на конях скачут да так стараются, что кони все в мыле. Только проку от этого никакого: как ступит конь копытом на стеклянную гору, сразу вниз и скользит; ни одному даже на вершок не удалось взобраться. Оно и не удивительно: гора была гладкая, как оконное стекло, и крутая, как стена.

Однако принцессу и полкоролевства в придачу каждый не прочь получить – вот они и скакали и скользили без конца. Под конец кони так устали, что больше уж скакать не могли, и так вспотели, что пена с них так и валила, и тут уж принцам делать было нечего. Король хотел было объявить, что все откладывается до другого раза, но только он об этом подумал, как в ту же минуту появился новый рыцарь на таком красивом коне, какого еще никто никогда не выводил; и был он в медной кольчуге, и седло с уздечкой тоже были медные, и все это так блестело, что смотреть было больно. Другие рыцари закричали ему, чтобы он зря не старался, – все равно у него ничего не выйдет. А он не стал их слушать, поскакал прямо к стеклянной горе, и – наверх как ни в чем не бывало, и, ни много ни мало, поднялся на целую треть, а потом повернул коня и спустился вниз. Такого красивого рыцаря принцесса никогда еще не видала, и, пока он скакал по горе, она сидела и думала: "Хоть бы он поднялся!" И когда он повернул коня, она бросила золотое яблоко ему вслед, а оно попало ему в латы на ноге. Вот спустился он с горы и поскакал своей дорогой, да так быстро, что никто и не заметил – куда. Вечером всех рыцарей и принцев позвали во дворец, чтобы найти того, у кого золотое яблоко. Но ни у кого его не было; один за другим приходили рыцари и принцы во дворец, и никто не мог показать яблоко. Вечером возвратились домой и братья Аскеладдена и рассказали про все: как сначала никто и на вершок не мог подняться по стеклянной горе, а потом прискакал рыцарь в медных доспехах, и они так блестели, что больно было смотреть.

– Эх, так сказать умеет, – говорили братья Аскеладдена, – он поднялся на стеклянную гору на целую треть, а мог бы и выше, если б захотел; только он взял да повернул коня–видно, решил, что на первый раз хватит.

– Вот бы мне взглянуть на него, – сказал Аскеладден; он, как всегда, сидел у печи и в золе копался.

– Ну да! – ответили ему братья. – Тебя только там не хватало, грязная ты скотина!

На другой день братья снова собрались в дорогу, а Аскеладден снова просился вместе с ними; но они никак не хотели его брать.

–Слишком ты грязный и противный, – говорили они.

– Ну что ж, раз так, я один пойду, – сказал Аскеладден.

Пришли братья Аскеладдена к стеклянной горе, а рыцари и принцы уже снова на конях– видно, наново их подковали. Только и это не помогло – снова ни одному даже и на вершок подняться не удалось. Загнали они вконец своих коней, и больше им делать было нечего. И снова хотел было король объявить, что все откладывается до другого раза, – может, тогда дело лучше пойдет. А потом решил он подождать немного – не появится ли рыцарь в медных доспехах. Только он это подумал, как в ту же минуту показался конь, еще намного красивее, чему у рыцаря в медных доспехах, а сидел на нем рыцарь в серебряных доспехах, и седло и уздечка тоже были серебряные, и все это так блестело, что далеко вокруг так и шло сияние. Снова закричали ему другие рыцари, чтобы он не старался понапрасну; а он и не стал их слушать, поскакал прямо к горе и – наверх, и еще выше поднялся, чем первый рыцарь; но вот поднялся он на две трети, повернул коня и спустился вниз. А принцессе он еще больше первого понравился; она сидела и мечтала: "Только бы он поднялся!" И когда он повернул коня, она бросила ему вслед второе яблоко, и оно попало ему прямо в ногу да там в латах и застряло. Вот спустился он со стеклянной горы и ускакал прочь, да так быстро, что никто и не уследил – куда.

Вечером опять пригласили всех рыцарей и принцев во дворец к королю и принцессе, и опять ни у кого не было золотого яблока. Пришли братья домой и всё рассказали; как все пробовали, да никто не мог подняться на стеклянную гору.

– А потом явился рыцарь в серебряных доспехах, с серебряной уздечкой, – сказали они, – этот, видно, скакать умеет; он поднялся на две трети, а потом повернул коня. Вот это было дело! И принцесса бросила ему второе золотое яблоко.

– Эх, вот бы мне посмотреть, – сказал Аскеладден.

– Тебя там не хватало! На нем кольчуга светилась, как те угли. в которых ты копаешься, грязная скотина! – ответили братья.

На третий день опять было точно так же.

Опять Аскеладден просился вместе с братьями, и опять они не хотели его брать. И опять никто не мог даже на вершок подняться по стеклянной горе. Все только и ждали рыцаря в серебряных доспехах; но о нем не было ни слуху ни духу. И вот показался всадник, конь под ним был такой красоты, что и описать невозможно, а доспехи, седло и кольчуга были из чистого золота и так сверкали, что далеко-далеко от них расходилось сияние. Другие рыцари и принцы даже не стали кричать ему, чтобы он зря не старался, – они слова не могли вымолвить от изумления при виде такой красоты. Он поскакал прямо к горе и взлетел наверх, как перышко, так что королевская дочь даже и пожелать не успела, чтобы он добрался до верхушки, а он уже был там. Взлетел он на вершину, взял у принцессы золотое яблоко и тут же повернул коня, спустился с горы и скрылся из глаз, так что никто и опомниться не успел.

Когда братья Аскеладдена вернулись вечером домой, они рассказали, как опять никто не мог подняться на стеклянную гору.

А потом рассказали они и о рыцаре в золотых доспехах.

– Вот это было здорово! Другого такого рыцаря во всем свете не сыскать, – говорили они.

– Вот бы мне посмотреть, – сказал Аскеладден.

– Да уж его кольчуга сверкала точно так, как угольная куча, в которой ты вечно копаешься, грязная скотина! – отвечали братья.

На другой день – дело было вечером – всех рыцарей и принцев пригласили к королю и принцессе, чтобы тот, у кого окажется золотое яблоко, показал его всем. Но приходили гости один за другим – сначала принцы, а потом уже рыцари, – а золотого яблока ни у кого не было.

– У кого-то оно должно быть! – сказал король. – Ведь все мы видели своими глазами, как всадник поднялся на гору и взял его себе!

И он отдал приказ, чтобы все жители страны пришли во дворец, та как он хотел проверить, нет ли у них золотого яблока. И пришли они все один за другим, но яблока ни у кого не было. Вот под конец явились к королю и братья Аскеладдена. Были они самые последние, и король спросил, нет ли кого-нибудь еще в королевстве.

– Да вот, есть у нас брат, – отвечали они, – только у него не может быть яблока: он в эти дни ни разу с печки не слезал.

– Все равно, – сказал король. – Раз все побывали во дворце, пусть и он придет.

И вот привели Аскеладдена в королевский дворец.

– Не у тебя ли золотое яблоко? – спросил король.

– Да, вот одно, вот другое, а вот и третье, – ответил Аскеладден и вынул из кармана все три яблока одно за другим.

А потом сбросил с себя грязные лохмотья, и все увидели золотые доспехи, и они так блестели, что глазам было больно.

– Ну, бери себе мою дочь и полкоролевства в придачу, ты все это заслужил, – сказал король.

Сыграли они свадьбу, и досталась Аскеладдену в жены прекрасная принцесса.